

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Сперовский

**Старинные русские иконостасы:
происхождение их и разбор
иконографического содержания**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1893. № 9-10. С. 321-342.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Старинные русскіе иконостасы¹⁾.

Верхніе, дополнительные ряды иконостаса.

Въ этихъ рядахъ помѣщались: апостольскія страданія, страсти Христовы, распятіе съ предстоящими и изображенія херувимовъ и серафимовъ на верху иконостасовъ. Называемъ ихъ дополнительными потому, что они только дополняютъ новыми подробностями тѣ идеи, которыя были выражены въ другихъ уже описанныхъ частяхъ иконостаса.

Страданія апостоловъ, какъ выше замѣчено, встрѣчаются рѣдко въ нашихъ старинныхъ иконостасахъ. Несмотря однако на скудость свѣдѣній относительно изображеній апостольскихъ страданій въ старинныхъ иконостасахъ, мы можемъ сказать нѣсколько словъ о главной идее, проводимой въ этихъ изображеніяхъ. Для уразумѣнія ея сопоставимъ ярусъ апостольскихъ страданій съ апостольскимъ или деисуснымъ ярусомъ²⁾. Выше мы видѣли, что въ апостольскомъ ярусѣ изображались апостолы, какъ проповѣдники евангельскаго ученія; здѣсь же они изображаются какъ неувѣдники сего ученія, истинность котораго они подтвердили своими страданіями и смертію за Христа. Мученическая кровь апостоловъ служила сѣменемъ для дальнѣйшаго, всемірнаго распространенія христіанства. Для выясненія главной идеи яруса апостольскихъ страданій можно его сопоставить и съ праздничнымъ ярусомъ. Въ

¹⁾ См. МН № 11—12 «Христ. Чит.» 1892 г. Окончаніе.

²⁾ Основаніемъ для такого сопоставленія служитъ то обстоятельство, что ярусъ апостольскихъ страданій, какъ мы уже неоднократно говорили, выдѣлялся изъ апостольскаго или деисуснаго яруса старинныхъ иконостасовъ.

праздничномъ ярусѣ наглядно изображалась первоначальная исторія церкви Христовой въ важнѣйшихъ моментахъ жизни послѣдней; и въ ярусѣ апостольскихъ страданій наглядно изображается та же исторія, которая въ первые три вѣка вся состояла въ непрерывныхъ гоненіяхъ и страданіяхъ христіанъ за вѣру отъ іудеевъ и язычниковъ.

Изображенія апостольскихъ страданій встрѣчаются довольно рѣдко также и въ старинныхъ стѣнныхъ росписяхъ церквей. Они находятся въ средней части храма въ старой Ираклійской церкви (XVI в.) и въ притворѣ Каракальскаго собора на Аѳонѣ (1750 г.)¹⁾.

Страсти Христовы встрѣчаются въ нашихъ старинныхъ иконостасахъ несравненно чаще, чѣмъ страданія апостоловъ. Обыкновенно онѣ составляли самый верхній ярусъ иконостаса, выше котораго помещался только одинъ крестъ съ предстоящими. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ иконостасъ XVII в. въ церкви села Тайнинскаго, московской губерніи, описанный Мартыновымъ въ „Русской Старинѣ“. Въ этомъ иконостасѣ страстной ярусъ помещенъ не на верху надъ праотцами, какъ бы слѣдовало ожидать, а надъ мѣстнымъ ярусомъ²⁾. Иконографическое содержаніе страстнаго яруса составляютъ изображенія различныхъ моментовъ изъ исторіи страданій и смерти Іисуса Христа. Количество иконъ въ страстномъ ярусѣ было разное: иногда ихъ было всего только двѣ, напримѣръ, въ Троицкой церкви угличкаго Улеймскаго монастыря³⁾, иногда же 13 и болѣе, напримѣръ, въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ⁴⁾. Иконографическое содержаніе страстнаго яруса въ общемъ одинаково во всѣхъ иконостасахъ, въ которыхъ онъ встрѣчается, но въ частностяхъ оно чрезвычайно разнообразно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Страстной ярусъ въ иконостасѣ псковскаго Троицкаго собора составляютъ слѣдующія изображенія: моленіе о чашѣ, истязаніе Спасителя, вѣнчаніе Его терновымъ вѣнцемъ, снятіе со креста, положеніе во

¹⁾ Стѣнп. росписи 91, 101.

²⁾ Тетрадь XIII, стр. 136.

³⁾ Угличъ. Матеріалы для исторіи города въ XVII и XVIII столѣт. Москва, 1887 г.

⁴⁾ Прот. П. И. Тихомяровъ. Опис. Знам. соб., стр. 56—57.

гробѣ, сошествіе во адъ и воскресеніе Христово, а всего 7 иконъ ¹⁾). Въ составъ страстнаго яруса правой половины миниатюрнаго иконостаса № 53, хранящагося въ музеѣ Общества любителей древней письменности, входятъ слѣдующіе образа: Христосъ въ темницѣ, распятіе, моленіе о чашѣ, Іудино лобзаніе, положеніе во гробъ и несеніе креста. Въ лѣвой половинѣ того же иконостаса страстной ярусъ состоитъ изъ тѣхъ же иконъ, что и на правой, за исключеніемъ распятія, которое замѣнено здѣсь снятіемъ со креста. На каждой половинѣ упомянутаго иконостаса помѣщено по шести иконъ страстей Христовыхъ. Страстной ярусъ иконостаса Троицкой церкви въ угличскомъ Улейменскомъ монастырѣ состоялъ, какъ выше было сказано, всего только изъ двухъ иконъ: снятія со креста и положенія во гробъ ²⁾).

Главная идея страстнаго яруса должна быть разъясняема въ связи съ идеею праздничнаго яруса. Если основную идею праздничнаго яруса составляла первоначальная исторія церкви Христовой, то въ страстномъ ярусѣ болѣе подробно изображалась самая важная эпоха въ этой исторіи—страданія и смерть Іисуса Христа, безъ которыхъ не могла существовать и самая Церковь Христова. Въ отношеніи развитія главной идеи праздничнаго яруса страстной рядъ даетъ большія удобства иконописцамъ. Эти удобства состоятъ въ томъ, что здѣсь иконописцы могли наглядно изложить исторію страданій Христовыхъ съ гораздо большими подробностями, чѣмъ это дѣлалось прежде въ одномъ только праздничномъ ярусѣ. Не забудемъ и того, что страсти Христовы ставились въ связь съ праздниками не только въ старинныхъ иконостасахъ, но и въ древнихъ церковныхъ стѣнныхъ росписяхъ. Такъ, на внутреннихъ стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), Нередицкой (XII в.) и Волотовской (XVII в.) церквей въ Новгородѣ, параклиса св. Георгія въ Ксенофѣ на Аѳонѣ (1545 г.), Спасопреображенскаго собора въ Ярославкѣ архіерейскомъ домѣ (1563 г.), Феодоровской церкви въ Ярославлѣ (около 1691 г.) и др. ³⁾ на ряду съ дву-

¹⁾ Годовиковъ. Описан. псков. древн., II, 55—58.

²⁾ Угличъ. Матер. для ист. гор. XVII и XVIII вв.

³⁾ Стѣнп. росп., стр. 46. 57—59. 65. 90. 120—121. 153—154.

надесятими праздниками и другими событіями новозавѣтной исторіи изображены и страсти Христовы.

Распятіе съ предстоящими составляетъ самое лучшее и естественное завершеніе всего иконостаса. Число предстоящихъ при крестѣ въ разныхъ иконостасахъ было различное. Большею частію здѣсь изображали двухъ предстоящихъ: Богоматерь и Иоанна Богослова. Но на иконостасѣ Троицкаго иековскаго собора по лѣвую (отъ зрителя) сторону распятія изображены — Богоматерь, Марія Клеопова, Іосифъ Аримаѣйскій; по правую — Иоаннъ Богословъ, Марія Магдалина и Логгинъ сотникъ ¹⁾. На верху правой половины миниатюрнаго иконостаса № 53 изображенъ крестъ съ четырьмя предстоящими: Богоматерию, Иоанномъ Богословомъ, Марією Клеоповою и Марією Магдалиною. Однимъ словомъ, вся группа, извѣстная подъ именемъ „Распятія съ предстоящими“, изображаетъ тотъ моментъ изъ исторіи страданій Христовыхъ, когда *Иисусъ, видѣвъ Матерь, и ученика стояща, сложѣ любяще, возглагола Матери Своей: жено, се сынъ Твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя* ²⁾. Испытывая ужасныя предсмертныя мученія, Господь Іисусъ Христосъ и тутъ не оставилъ Своихъ близкихъ людей—Матери и любимаго ученика—безъ утѣшенія. Эта любовь Божественная есть основа всего домогостроительства нашего спасенія, исторія котораго наглядно изображалась въ старинныхъ иконостасахъ.

Въ первомъ отдѣлѣ изслѣдованія, излагая исторію иконостаса, мы имѣли случай замѣтить, что верхніе, дополнительные ряды иконостаса вытѣснили собою изображенія херузимовъ и серафимовъ, которыми нѣкогда украшался верхъ иконостаса. Теперь нужно сдѣлать нѣкоторое ограниченіе по поводу этого замѣчанія. Въ концѣ XVII столѣтія дѣйствительно херувимы и серафимы уступили свое мѣсто на верху иконостаса новымъ, дополнительнымъ ярусамъ, но они сами не совсѣмъ были устранены изъ иконостаса. Въ рѣзныхъ иконостасахъ, получившихъ большое распространеніе въ русскихъ церквахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, херувимы и се-

¹⁾ Годовиковъ, II, стр. 55—59.

²⁾ Иоанн. XIX, 25—27.

рафимы не рѣдко изображались рѣзнымъ искусствомъ, на колоннахъ, кронштейнахъ и другихъ иконостасныхъ украшеніяхъ. Напримеръ, въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ на восьми кронштейнахъ, раздѣляющихъ между собою иконы праздничнаго яруса, находятся рѣзные изображенія херувимовъ и серафимовъ ¹⁾. Изображенія херувимовъ и серафимовъ не были излишними въ иконостасахъ. Они здѣсь изображались, какъ представители небесной, торжествующей церкви, принимающіе участіе въ домостроительствѣ нашего спасенія. По этой же причинѣ, херувимы, серафимы и вообще небесныя силы изображались и на стѣнахъ древнихъ греческихъ и русскихъ храмовъ, преимущественно въ трибунѣ главнаго купола повыше оконъ.

Изображенія на иконостасныхъ тумбахъ.

Внизу—подъ мѣстными иконами, на такъ называемыхъ тумбахъ, не рѣдко помѣщались особыя изображенія: сивилль, философовъ, различныхъ сюжетовъ изъ церковныхъ синодиковъ, событій по воскресеніи Христовомъ ²⁾ и даже ветхозавѣтныхъ пророковъ ³⁾. Такъ какъ событія по воскресеніи Христовомъ входятъ въ составъ праздничнаго яруса, а ветхозавѣтные пророки составляютъ иконографическое содержаніе пророческаго яруса и такъ какъ объ этихъ ярусахъ уже было говорено выше, то здѣсь изображенія пророковъ и событій по воскресеніи Христовомъ оставимъ въ сторонѣ,

¹⁾ Прот. П. И. Тихомировъ. Описаніе новгород. Знаменскаго собора, стр. 41.

²⁾ Изображенія явленій Христа по Своемъ воскресеніи апостоламъ, мироносицамъ и прочимъ вѣрующимъ написаны на тумбахъ главнаго иконостаса Нередицкой церкви въ Новгородѣ. Но эти изображенія весьма не древни: они живописныя и сдѣланы едва ли не въ началѣ нынѣшняго или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ прошлаго вѣка.

³⁾ По описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1802 г. въ соборной церкви Успенія на тумбахъ подъ мѣстными иконами были написаны пророки; зато въ семь иконостасѣ не было пророческаго яруса (Рук. спб. дух. ак. № 115—1350). Объяснить такой порядокъ въ упомянутомъ иконостасѣ трудно, да и вѣтъ въ этомъ нужды. По описи того же монастыря за 1718 г. въ томъ же иконостасѣ на тумбахъ пророковъ не было, но зато былъ пророческій ярусъ (Рук. спб. дух. ак. № 97—1334).

а обратимъ вниманіе на изображенія: а) древнихъ языческихъ философовъ и сивиллъ и б) — изъ синодиковъ.

Излагая исторію старинныхъ русскихъ иконостасовъ, мы уже имѣли случай замѣтить, что изображенія философовъ и сивиллъ на иконостасныхъ тумбахъ могли появиться не ранѣе XVII в. Значеніе ихъ лучше всего уясняется при помощи изреченій, написанныхъ въ свиткахъ.

Въ Николаевской церкви новгородскаго Вяжицкаго монастыря на иконостасныхъ тумбахъ написаны изображенія слѣдующихъ философовъ: Платона со свиткомъ: „Аполлонъ и́сть Богъ, но есть Богъ на небесехъ, Емуже свити на землю и воплотитися“. Елеуса со свиткомъ: „Единъ есть премудръ и страшень зѣло, сѣдя на престолѣ Своемъ, Господь вся премудрость“. Ермія со свиткомъ: „разумѣти Бога убо не удобно, сказати же не возможно, есть бо составенъ“. Еврипида со свиткомъ: „азъ чаю неприкосновенному родитися отъ Дѣвы и воскресити мертвыя и пакы судити имъ“. Въ новгородскомъ Отенскомъ монастырѣ подъ иконою св. Николая изображенъ философъ Омирось въ вѣнкѣ и со свиткомъ: „Свѣтило на земли возсіяетъ во языцѣхъ, Христось ходити начнетъ“¹⁾. Въ иковскомъ кафедральномъ соборѣ подъ мѣстными иконами изображены слѣдующіе философы: на право отъ царскихъ дверей — царь Ермія Тревеликій, мудрецъ Менандръ, Платонъ, Афродитіанъ и Хилонъ; на лѣво — мудрецъ Валаамъ, Омиръ, Аристотель, Еврипидъ и Илоръ. Всѣ они изображены со свитками, въ которыхъ выражены ихъ сужденія о божествѣ и воплощеніи Сына Божія²⁾. Изображенія сивиллъ, между прочимъ, находятся въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ и въ Отенскомъ монастырѣ. Въ первомъ сивиллы изображены съ хартіями въ рукахъ и попарно по двѣ подъ каждой мѣстной иконою. Въ Отенскомъ монастырѣ намъ извѣстны изображенія двухъ сивиллъ: Дельфики въ вѣнкѣ со свиткомъ: „отъ небесе царь пріидеть во вѣки царствующій, и не имать конца царству его“ и невзвѣстной сивиллы, тоже въ вѣнкѣ и со свиткомъ: „дадутъ же заушенія скверныма рукама“³⁾.

¹⁾ Макарій, Древн. новг., II, 41.

²⁾ Годовиковъ, II, 55—59.

³⁾ Макарій, II, 41.

Въ вышеупомянутомъ Софійскомъ сборникѣ № 1449—32 есть цѣлая глава (113-я), трактующая о философахъ и сивиллахъ. Въ ней говорится слѣдующее: «И еллинстїи философи, еже пишутся на церковныхъ вратахъ, для прореченїя ихъ прорекша отъ дѣвицы о христовѣ воплощенїи. Плутархъ рече: Иисусу мужу мудру; аще мужа того нарицати подобаетъ, превышняго вина бываетъ. Анаскоридъ рече: приде низъ сущїи и препростый существомъ отъ всечистыя дѣвица и благообразныя невѣсты, общее воскресенїе вѣмъ даруя. Салонъ рече: непостижима богоначальная заря, сниде съ высоты, и просвѣтитъ ихъ во тмѣ и сѣни смертней сѣдящихъ. Еврипидъ рече: азъ чаю неприкосновенному родитися отъ дѣвы и воскресити мертвыя и пакы судити имъ. Афродитїанъ рече: Христу Богу родитися на земли отъ дѣвица чистыя Марїа, въ него же и азъ вѣрую. Омирось рече: свѣтило на земли возсіяетъ во языцѣхъ Христось сходити начнетъ странно и совокупити хотя небесная со земными. Платонъ рече: Аполонъ нѣсть Богъ, но есть то Богъ на небесѣхъ, емуже снити на землю и воплотитися отъ дѣвы чистыя въ него же и азъ вѣрую. А 400 лѣтъ по божественномъ рождествѣ его, моя кости осїяетъ солнце. Сивилла Фригїя рече: въ руцѣ невѣрныхъ послѣди придесть, дадутъ же Господу заушенїя рукама скверными, бїенїе прїемши умолчить. Сивилла Еректерей рече: суда знамя земля потомъ возмолкнетъ, отъ небеси царь придесть, во вѣки царствуетъ не имѣя конца. Сивилла рече: отъ безневѣстныхъ и всечистыя Богъ явися, низу во адѣ сущихъ сѣдящимъ избавити ихъ. Царица южская рече: о треблаженное древо, на немже распяте Христось Царь и Господь. Ермїй рече: Бога убо разумѣти не удобно ни сказати же невозможно: есть бо трисоставенъ и несказаненъ существомъ и естество не имущее въ чловѣцѣхъ уподобленїа. Менандръ рече: неизслѣдованно и неизреченно Божество, во три лица раздѣляемо и прославляемо и покланяемо исповѣдати. Аристотель рече: азъ бо рече грѣшенъ убо быти не отмещуся, Христу же во адѣ сходящу, и ни единъ же преже мене вѣрова неизглаголанное зачатїе. Валаамъ древнїй рече: добрімъ доми твои іакове и скинїя твоя израилю; возсіяетъ звезда отъ іакова и востанетъ чловѣкъ отъ израїля, и погубитъ князи маавля; и пленитъ вся сыны сїеовы, и будетъ едомъ наслѣдіе, исавъ врагъ его, и израїля сотворилъ есть ерѣпностїю».

Въ началѣ приведеннаго отрывка сказано, что философы и сивиллы изображались на входныхъ дверяхъ храма, что мы и на самомъ дѣлѣ можемъ наблюдать на входныхъ дверяхъ Троицкаго соборнаго храма въ Ипатьевскомъ монастырѣ, — московскихъ соборовъ Успенскаго и Благовѣщенскаго и др. ¹⁾ Повидимому, въ началѣ XVII столѣтїя (въ 1602 г.) философы и сивиллы, имѣвшїе мѣсто въ христіанской иконографїи, еще не успѣли войти въ составъ иконографическаго содержанїа иконостаса. Замѣтимъ, что

¹⁾ Н. В. Покровскїй. Древн. Ипат. мон., стр. 8—10. Ср. описанїе входныхъ дверей московск. соборовъ Успенскаго и Благовѣщенскаго у Снегирева въ Пам. моск. древн., стр. 30 и 86.

изображенія философовъ и сивиллъ имѣли мѣсто не только на иконостасныхъ тумбахъ и входныхъ дверяхъ, но и въ церковныхъ стѣнописяхъ, въ которыхъ имъ обыкновенно отводилось мѣсто въ притворѣ, что и наблюдается, напримѣръ, въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ ¹⁾, въ церкви Богоматери Вратарницы на Аосѣ (1683 г.) ²⁾ и др. Сивиллы и философы введены въ христіанскую иконографію на томъ основаніи, что они, хотя нѣкоторымъ образомъ, проникали въ важнѣйшія истины Богооткровеннаго ученія, къ числу которыхъ относятся—явленіе въ міръ Спасителя, Его страданія и смерть за грѣхи людей, воскресеніе и послѣдній страшный судъ. Всѣ эти истины излагались въ краткихъ изреченіяхъ, написанныхъ въ свиткахъ сивиллъ и философовъ. Конечно, эти изреченія не суть буквальные выдержки изъ философскихъ системъ и сивиллиныхъ книгъ: они переформулированы христіанами и заключаютъ въ себѣ только *мысли*, относящіяся къ истинамъ христіанской вѣры и разбросанныя по разнымъ мѣстамъ сивиллиныхъ книгъ и философскихъ системъ. Кромѣ того, въ свиткахъ дана этимъ мыслямъ гораздо большая ясность и опредѣленность, чѣмъ какую они имѣютъ въ упомянутыхъ книгахъ и системахъ. Наконецъ, нѣкоторые изреченія въ разсматриваемыхъ свиткахъ заключаютъ въ себѣ такія мысли и выражены въ такой формѣ, въ которой они никакимъ образомъ не могли принадлежать ни философамъ, ни сивилламъ. Напримѣръ, развѣ могъ какой-нибудь языческій философъ, стоящій внѣ Божественнаго Откровенія, сказать: „Христу Богу родитися на земли отъ дѣвица чистыя Марія, въ Него же и азъ вѣрую?“ Развѣ могла какая-нибудь сивилла написать въ своей книгѣ: „о треблаженное древо, на немже распяты Христосъ Царь и Господь?“ Послѣднее выраженіе представляетъ буквальное заимствованіе изъ пятаго ирмоса канона на Воздвиженіе, который, какъ извѣстно, составленъ св. Космою Маюмскимъ.

Но оставимъ въ сторонѣ буквальный смыслъ этихъ изреченій и обратимъ вниманіе на главныя идеи въ нихъ заключающіяся.

¹⁾ Сивиревъ. Памятн. моск. древн., стр. 86.

²⁾ Стѣн. росп., 95. 111.

Развѣ могли языческіе философы и сивиллы проповѣдывать и предсказывать о рожденіи Христа отъ Дѣвы, о побѣдѣ Его надъ смертію, о воскрешеніи Его изъ мертвыхъ и о страшномъ судѣ такъ ясно, какъ это не было открыто даже ветхозавѣтнымъ пророкамъ? Конечно нѣтъ. Итакъ, многія мысли въ приведенныхъ изреченіяхъ сивиллъ и философовъ не принадлежать послѣднимъ, а навязаны имъ отчасти христіанскими писателями, отчасти христіанскими художниками. Сивилламъ же и философамъ можетъ принадлежать только первоначальный зародышъ мыслей, выраженныхъ въ свиткахъ, зародышъ, отличавшійся неопредѣленностію, который легко было примирить и даже отождествить съ основными христіанскими истинами. Сивиллы и языческіе философы могли смутно сознавать ненормальность нравственнаго состоянія древняго языческаго міра, могли приходить къ мысли о необходимости преобразованія этого міра въ нравственномъ отношеніи, что возможно совершить только Высочайшему Существо, — могли, наконецъ, хотя и не безъ видимаго вліянія со стороны іудеевъ, ожидать пришествія на землю великаго посланника съ неба, который снова водворитъ нормальный порядокъ въ мірѣ, нарушенный грѣхопадениемъ человѣка; но они никакъ не могли додуматься до той, на примѣръ, истины, что Христосъ долженъ родиться отъ Дѣвы Маріи, пострадать и умереть за наши грѣхи и т. п. Эти послѣднія истины были достояніемъ только Боготкровенной религіи. Особенно же не свойственна языческимъ философамъ и сивилламъ мысль о необходимости страданій Христовыхъ для нравственнаго перерожденія челоѣчества. По словамъ апостола Павла, распятый Христосъ составляетъ „для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе“¹⁾. Впрочемъ, неточности изреченій въ свиткахъ сивиллъ и философовъ не дѣлаютъ ихъ изображенія лишенными смысла и значенія, какъ въ области христіанской иконографіи вообще, такъ и на старинныхъ иконостасахъ въ частности. Если весь, вообще, иконостасъ представляетъ намъ исторію Божественнаго Откровенія, если, въ частности, праотеческій ярусъ изображаетъ исторію Откровенія въ періодъ дозаконный или патріархальный, пророческій — въ періодъ подзаконный,

¹⁾ 1 Коринт., I, 23.

наконецъ, апостольскій и праздничный—въ періодъ новозавѣтный или благодатный; то рядъ изображеній сивиллъ и философовъ подъ мѣстными иконами наглядно раскрываетъ предъ нашими глазами исторію естественнаго Откровенія язычникамъ въ лицѣ лучшихъ ея представителей, которымъ Богъ тоже *не несвидѣтельствована себе остави* ¹⁾). Такимъ образомъ, наши предки, украшая, такъ называемыя, иконостасныя тумбы изображеніями философовъ и сивиллъ со свитками ихъ изреченій и пророчествъ, выражали ту мысль, что Богъ печется о спасеніи всего міра: не только іудеевъ и христіанъ, но и язычниковъ, и открываетъ Себя первымъ въ сверхъестественномъ, а вторымъ—въ естественномъ Откровеніи, получаемомъ при внимательномъ и добросовѣстномъ изученіи міра, который Онъ сотворилъ и на которомъ, какъ Творецъ, положилъ Свою Божественную печать. Эта великая истина, руководившая нашими художниками при введеніи философовъ и сивиллъ въ рядъ изображеній на иконостасахъ, ясно раскрыта апостоломъ Павломъ въ первыхъ двухъ главахъ его посланія къ Римлянамъ.

Кромѣ философовъ и сивиллъ на иконостасныхъ тумбахъ помѣщались, какъ выше сказано, картины, которыя наглядно изображаютъ судьбу умершихъ за гробомъ и повторяютъ обыкновенно основныя темы поучительныхъ статей, помѣщаемыхъ въ русскихъ старинныхъ синодикахъ. Такія изображенія находятся въ новгородской Петропавловской церкви, приписанной къ Духову монастырю. Число такихъ изображеній простирается здѣсь до 20.

Первая картина: изображенъ богатый домъ, въ которомъ сидитъ на богатомъ стулѣ жена съ двумя маленькими сыновьями, а вокругъ ея стоятъ сундуки съ деньгами. Надпись: «и оставшаяся жена созва дѣти своя начатъ глаголати: безумень отецъ вашъ, а мой мужъ: повелѣ имѣнія своя церквямъ и нищимъ раздати, а мене и васъ оставляетъ сиротою, чада моя умыслила есмь тако: только азъ съ тѣмъ богатствомъ да иду за богатъ мужъ, и онъ мене возлюбитъ и васъ вскормитъ».

Вторая картина: одинъ изъ сыновей вышеупомянутой вдовы мелеть муку ручнымъ жерновомъ, двое другихъ просятъ милостыню. Внизу картины изображена темная адская пропасть, въ которой виденъ какой-то человѣкъ. Надпись: «Приказавши (?) души во адъ, а дѣти въ нищетѣ и въ работахъ, занеже въ животѣ своемъ не положиша Бога помощника себѣ, но упова на возгордѣніе и на множество богатства, сего ради и погибша».

¹⁾ Дѣян. XIV, 17.

Третья: нарисованъ домъ, имѣющій два отдѣленія внутри. Въ одномъ отдѣленіи ангелъ съ душою идетъ къ женѣ умершаго, а въ другомъ — ко гробу съ тѣломъ его. Вверху надъ домомъ изображенъ преп. Макарій, бесѣдующій съ двумя ангелами. Надпись: «въ два бо дни оставляется душа съ ангеломъ ходити, на земли идѣже аще хошетъ; душа убо плотолюбива сущи, ходитъ овогда къ дому, отъ него же разлучися, овогда ко гробу идеже тѣло лежитъ отъ него же изыде».

Четвертая: на смертномъ одрѣ лежитъ человѣкъ, изъ головы котораго вылетаетъ душа въ видѣ младенца; сверху къ умирающему летятъ два ангела, подлѣ одра его стоятъ два діавола. Подпись подъ картиною: «егда послани будутъ ангели пояти душу человѣка, или праведнаго или грѣшнаго; ужасается убо страхомъ велимъ зѣло, трепещеть же пришествія ангельскаго посланныхъ пояти его; зреть бо тогда душа грѣшная и непотребная пришествія рода и сродникъ, слезы и плачь предстоящихъ разумѣеть, отвѣщати же къ нимъ не можетъ».

Пятая: въ пустынѣ идетъ преп. Макарій съ двумя ангелами; предъ путниками лежитъ человѣческій трупъ. Подпись: «ходящу въ пустыни отцу Макарію, обрѣтесе на пути трупъ мертвъ, испущая смрадь многъ зѣло; рѣша же ангели, слыши рабе Божій Макаріе, грѣшнаго же душа въ тѣлѣ сущи еще злосмрадіе злыхъ дѣлъ является, душа бо о себѣ свѣтла и чиста есть; понеже чистаго свѣта есть вдуновеніе, но въ тѣлѣ сущи ей оскверняется отчасти ради грѣха; ова убо мало, ова же множае».

Шестая: вверху изображенъ храмъ, въ которомъ молится царица Феодора; внизу — направо ангелъ ведетъ царя и указываетъ ему на Феодору, а на лѣво — темная адская пропасть, наполненная людьми, тѣла которыхъ покрыты множествомъ маленькихъ бѣлыхъ червячковъ. Надъ пропастію надпись: «грѣшныя души черви ядами». Подъ картиною другая надпись: «Такожде и правовѣрная святая царица Феодора злымъ творца супруга своего Феофила царя молитвою и постомъ и по смерти вѣчнаго мученія избави».

Седьмая: вверху во храмѣ молится предъ Нерукотвореннымъ образомъ святитель Григорій; внизу направо ангелъ ведетъ царя и указываетъ ему на молящагося Григорія, а на лѣво — изображена адская пропасть съ людьми, надъ которою надпись: «мука студъ и мразъ нестерпимый». На картинѣ надпись: «Св. Григорій Двоесловъ папа Римскій отъ всего сердца молитву крѣпку душелюбцу Богу о прощеніи грѣховъ Траяна царя и мучителя испроси, и гласъ отъ Бога... царю прощеніе и отраду дарую отъ муки молитвъ ради святыхъ Отець, ко святому же речеса: ты же ктому не прилагай молитвы о нечестивыхъ».

Восьмая: св. Феокла молится предъ Нерукотвореннымъ образомъ; внизу направо ангелъ ведетъ Феоклину и указываетъ ей на Феоклу, а на лѣво — адская пропасть, надъ которою надпись: «огнь негасимый». Надъ всею картиною надпись: «св. первомученица Феокла Феоклину матеръ свою неверну и идоломъ служащу умоли Господа и мученія избави».

Девятая: посрединѣ сидитъ ап. Іаковъ со свиткомъ въ рукахъ, по сторонамъ стоятъ другіе апостолы и бесѣдуютъ съ нимъ. Надпись: положи патриархъ 1-й Иерусалимскій Іаковъ брать Божій по умысленію всѣхъ 70, да въ Божіихъ церквахъ іереи усощишихъ души поминуютъ, безкровныя жертвы къ Богу выну о нихъ приносятъ и отпущенія грѣховъ ихъ у Господа просятъ, а души ихъ вписывати въ синодикъ».

Десятая изображаетъ соборъ епископовъ, на которомъ предсѣдательствуетъ какой-то царь. Что это былъ за соборъ и въ чемъ состояла его дѣятельность, это узнаемъ изъ слѣдующей надписи на картинѣ: «и ведяше честное сіе апостольское законоположеніе и до седьмага собора и на тотъ соборъ приде самосадскій еписконъ Евсевій и сіе писаніе въ руку свою держаше, понеже добре любляше то, и правляше, и инѣхъ научая тако творити; того ради Евсевій сіе писаніе на соборъ принесе: и ту прилучись Оригенъ еретикъ и тотъ исторже изъ руку Евсевіеву и недолзъ смотрѣвъ поверже на землю рѣкъ: нѣсть ползы въ семъ писаніи, занеже то лжа есть. Воскресенію мертвымъ не быти, ни праведнымъ воздаянія, ни грѣшнымъ мученія. И то услышавъ Нонъ еписконъ возявви всему собору, и смысливъ весь соборъ святыхъ отецъ и того Оригена еретика и вся причетники его отъ собора отлучиша и проклаша».

Одиннадцатая: нарисована церковь съ двумя отдѣленіями. Въ правомъ отдѣленіи священникъ совершаетъ проскомидію, въ лѣвомъ — панихиду. Надъ церковію летятъ на небо два ангела съ воздѣтыми руками. Надпись: «егда же панихиду поютъ и литургію совершаютъ и за просфирою поминають отшеднихъ души, тогда ангелы услышавши радостни на небо восходятъ».

Двѣнадцатая: священникъ въ храмѣ совершаетъ проскомидію, а надъ нимъ летятъ два ангела и несутъ къ престолу Божію частицы, изъятія изъ просфоръ. На самомъ верху картины изображенъ Христосъ, окруженный небесными силами и святыми угодниками. Надпись: «егда священникъ просфору вземъ молится, и вынимаетъ частицу святымъ копіемъ и полагаетъ на святомъ дискосѣ въ даръ Богови, и отъ сего приношенія освящаются грѣси человѣкомъ, и тую часть вземъ ангелъ и возноситъ на небо къ вѣчнымъ обителемъ и тамо напишетъ имена тѣхъ, ихже просфоры въ храмъ Божій приносимы суть».

Тринадцатая: нѣсколько человѣкъ владутъ поклоны въ одномъ отдѣленіи храма, въ другомъ — совершаютъ погребеніе усопшаго. Подпись: «егда кто отъ братій преставитца братъ нашъ и мы по погребеніи его входимъ въ церковь и творимъ 15 поклоновъ за душу его умиленно глаголюще: покой Господи душу преставшагося раба твоего имя рекъ яже въ житіи семъ яко человѣкъ согрѣши и прочее до конца тропаря сего».

Четырнадцатая: митрополитъ Лука ѣдетъ верхомъ на конѣ въ полномъ святительскомъ облаченіи. Рядомъ съ нимъ на другомъ конѣ верхомъ ѣдетъ его посошникъ въ стихарѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Надпись: «Якоже Лука нѣкій митрополитъ путемъ идыи и видѣ человѣка нѣкоего стояща во гробѣ черна аки главня и глаголюща сице: помяни мя владыко яже завѣща завѣтъ дати по мнѣ церквамъ Божіимъ и нищимъ и не даша, но аще услышана будетъ молитва твоя и меня во гробѣ не обрящени».

Пятинадцатая: Лука съ книгою въ рукахъ разговариваетъ со священниками и раздаетъ милостыню нищимъ. Въ другомъ мѣстѣ той же картины изображенъ священникъ, молящійся о усопшій души усопшаго, котораго встрѣтилъ Лука во гробѣ во время своего путешествія. Надпись: «Лука же митрополитъ таковая испытавъ и повемъ презвитерамъ правити сорокоусты и милостыни нищимъ давъ за душу онаго, его же видѣ во гробѣ».

Шестнадцатая: Лука ѣдетъ верхомъ на конѣ въ сопровожденіи своего посолника и видитъ пустой гробъ. Подпись: «и по времени прииде на мѣсто и не обрете челоуѣка во гробѣ и разумѣвъ яко услыша Богъ молитву ихъ».

Семнадцатая: на верху изображены ангелы, ведущіе душу на поклоненіе Христу, сѣдющему на престолѣ, а внизу — церковь, въ которой священникъ творитъ поминовеніе о душѣ усопшаго. Надпись: «въ третій день восходитъ душа поклонитися Христу».

Восемнадцатая: ангелы водятъ душу новопреставленнаго по раю, усаженному деревьями. Надпись: «по виегда же поклонитися Христу, приходитъ повелѣніе отъ Него, яко да ведше покажутъ ей различныя красоты обителей святыхъ и красоту райскую и благовоніе, и сія вся взираетъ душа другихъ 6 дни чудащися и славящи сѣтворшаго и добре убо украсившаго сіа Бога».

Деятнадцатая: ангелы показываютъ душѣ усопшаго различныя отдѣленія ада, въ которыхъ мучатся грѣшники. Надпись: «по второмъ же убо поклоненіи исходитъ повелѣніе отъ всѣхъ Владыки и Бога нашего свести душу во адъ и показати ей яже тамо мученія и видитъ тамо сѣдящихъ душъ множество непрестанно рыдающихъ и зубы скрежещущихъ, и паче отъ своя совѣсти судится, по сицевыхъ мѣстѣхъ различныхъ мученіихъ водима есть 30 дни окаянная душа боящися и рыдающе себе, да не како и та въ таковое мѣсто осудится».

Двадцатая: изображенъ храмъ, внутри котораго священникъ совершаетъ литургію. Подпись: «тѣмже въ 40 день приводится душа поклонитися Господеви, тогда прочее противу дѣломъ износити на ня судіи праведный мѣсто мученія и приеменить свое мѣсто, добре убо держати церви Божія святая въ 40-тний день помѣнны творити мертвымъ».

Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ приводится мысль о пользѣ и необходимости поминовенія усопшихъ. Въ частности, въ первыхъ двухъ картинахъ высказывается мысль о суетности матеріальнаго богатства ¹⁾; въ третьей, четвертой, пятой, семнадцатой, восем-

¹⁾ Первые двѣ картины иллюстрируютъ одинъ поучительный рассказъ, который весьма часто излагался въ нашихъ старинныхъ синодикахъ и въ которомъ проводилась мысль о суетности земныхъ благъ. Вотъ этотъ рассказъ. Нѣкоторый челоуѣкъ, наживъ себѣ огромное состояніе посредствомъ всякихъ неправдъ, завѣщаль сыну своему наслѣднику раздать это имѣніе нищимъ на поминъ души. Наслѣдникъ же, подъ вліяніемъ внушеній со стороны діавола, рѣшилъ отложить исполненіе воли завѣщателя до конца своей жизни и сталъ жить въ свое удовольствіе. Предъ смертію онъ, въ свою очередь, завѣщаль женѣ раздать свое богатство нищимъ и на храмы Божіи. А жена по смерти мужа созвала дѣтей и сказала: «вашъ отецъ и мой мужъ, по истинѣ, сдѣлалъ безумное завѣщаніе, приказавъ раздать по своей смерти имѣніе бѣднымъ. Лучше я съ этимъ богатствомъ выйду замужъ за другого, который меня полюбитъ и васъ воспитаетъ». Все дѣло кончилось тѣмъ, что сія жена, расточивъ все свое богатство, умерла безъ надежды на спасеніе, а дѣти ея, сдѣлавшись нищими, принуждены были

надцатой, девятнадцатой и двадцатой картинахъ излагается исторія частнаго суда Божія надъ душею каждаго новопреставленнаго чело-вѣка, открытая ангелами преп. Макарію Египетскому ¹⁾, въ шестой, седьмой и восьмой картинахъ приведены примѣры, когда молитвы вѣрующихъ приносили пользу душамъ даже такихъ людей, которые скончались въ невѣріи и нечестіи ²⁾; въ девятой и десятой картинахъ излагается исторія обычая помянуть усопшихъ ³⁾; въ одиннадцатой, двѣнадцатой и тринадцатой картинахъ наглядно до-

идти на работы къ постороннимъ людямъ или просить милостыню (См. рукописн. синодикъ XVI в. новгород. Софійск. соб. въ библиот. Спб. дух. ак. № 1552).

¹⁾ Ученіе о частномъ судѣ надъ душею чело-вѣка было открыто преп. Макарію при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды Макарій шелъ въ пустынь вмѣстѣ съ двумя ангелами. На дорогѣ они нашли чело-вѣчскій трупъ, издающій дурной запахъ. Макарій заткнулъ носъ; тоже сдѣлали и ангелы. Тогда Макарій спросилъ ангеловъ: неужели и вы ощущаете смрадъ сего трупа? Ангелы отвѣтили: нѣтъ, но мы увидѣли тебя сдѣлавшимъ это и послѣдовали твоему примѣру; мы ощущаемъ только смрадъ грѣшныхъ душъ. Послѣ этого Макарій попросилъ ангеловъ открыть ему загробную участь умершихъ душъ. Ангелы отвѣтили, что душа грѣшника еще въ тѣлѣ издаетъ влосмрадѣ злыхъ дѣлъ, но сама по себѣ она чиста, какъ твореніе Самаго Бога. Затѣмъ они изложили преподобному участь души умершаго въ первые 40 дней по его смерти. Первые два дня душа ходитъ вмѣстѣ съ ангеломъ на землѣ, гдѣ ей угодно, при чемъ грѣшная душа любитъ обыкновенно пребывать около своего тѣла или въ томъ домѣ, въ которомъ жила, а праведная любить посѣщать мѣста, гдѣ она творила добрыя дѣла. На третій день душа приводится къ Богу для поклоненія, послѣ чего ей, по повелѣнію Владыки Христа, въ теченіе шести дней показываются ангелами райскія обители. На девятый день душа снова приводится на поклоненіе Богу, Который повелѣваетъ показать ей адъ съ грѣшниками. Послѣ сего ангелы вводятъ душу по адскимъ отдѣленіямъ въ теченіе 30 дней. Наконецъ, въ 40-й день Господь произноситъ окончательный судъ надъ душею. Важнѣйшими моментами частнаго суда надъ душею являются 3-й, 9-й и 40-й дни, въ которые непременно слѣдуетъ помянуть усопшаго (Рукоп. сборникъ новг. Соф. соб. № 1276 въ библиот. Спб. дух. ак.).

²⁾ См. въ Постной Трїодѣ синаксари: въ субботу мясопустную, гдѣ говорится между прочимъ и о Григоріѣ Двоесловѣ, молившемся за Траяна, и въ недѣлю Православія, гдѣ подробно разсказывается о томъ, какъ Θεодора своими молитвами избавила Θεофила отъ вѣчнаго мученія.

³⁾ Въ вышеупомянутомъ синодикѣ новгородскаго Софійскаго собора, писанномъ около 1575 года и хранящемся нынѣ въ библиотекѣ С.-петерб. дух. академіи подъ № 1552, говорится, что обычай помянуть усопшихъ установленъ на соборѣ святыхъ апостоловъ подъ предѣлательствомъ

казывается польза поминовенія умершихъ въ общеніи съ церковію ¹⁾; наконецъ, въ четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой картинахъ представленъ случай съ нѣкимъ митрополитомъ Лукою, доказывающій, какъ пагубно нарушать иногда посмертную волю умершихъ и, наоборотъ, какъ благодѣтельно для самихъ же усопшихъ исполнять ее.

Какое отношеніе имѣютъ эти изображенія къ цѣлому иконостасу? Главная тема всего иконостаса—исторія нашего спасенія. Изображенія изъ поминальныхъ синодиковъ наглядно представляютъ намъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этой исторіи—частный судъ надъ душою каждаго человѣка. Затѣмъ, здѣсь проводится нравоучительная мысль о необходимости помянуть своихъ умершихъ собратій, въ чемъ и заключается взаимная связь членовъ церкви земной—воинствующей съ членами церкви несовершенными, но отшедшими въ иной міръ.

Изображенія изъ синодиковъ, изъясняющія пользу поминовенія усопшихъ, входили въ составъ стѣнныхъ росписей старинныхъ русскихъ церквей московскаго періода. Здѣсь имъ обыкновенно отводилось мѣсто въ сѣверной алтарной апсидѣ, гдѣ помѣщается обыкновенно жертвенникъ. Такія изображенія сохранились, между прочимъ, въ ярославскихъ церквахъ Θεодоровской (около 1691 г.), Златоустовской (исполнены въ 1732 г.) и Варваринской (1743 г.) ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что изображенія изъ синодиковъ имѣютъ такое же отношеніе къ главной идеѣ стѣнныхъ росписей, какое—и къ иконографическому содержанію нашихъ старинныхъ иконостасовъ.

Иакова, брата Господня. Это апостольское установленіе соблюдалось неизмѣнно до седьмаго вселенскаго собора. На этомъ соборѣ поднялъ вопросъ о поминовеніи усопшихъ самосадскій епископъ Евсевій, которому возражалъ нѣкій еретикъ Оригенъ, отвергавшій воскресеніе мертвыхъ и загробную жизнь съ двоякою участію людей: воздаяніемъ праведниковъ и мученіемъ грѣшниковъ. Отцы собора подтвердили мнѣніе Евсевія о пользѣ поминовенія усопшихъ и прокляли Оригена.

¹⁾ Такія же картины мы видѣли, между прочимъ, въ поминальномъ синодикѣ Спасо-Мошенской церкви, печатанномъ не раньше 1784 г., каковой отмѣченъ на бумагѣ водяными знаками. Онѣ иллюстрируютъ поучительныя статьи, помѣщавшіяся обыкновенно въ поминальныхъ синодикахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и вышеупомянутый синодикъ новгород. Софійскаго собора № 1552.

²⁾ Стѣнныя росписи, стр. 151—152, 155 и 162.

Итакъ, въ настоящемъ изслѣдованіи мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Первоначальное появленіе высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ относится ко второй половинѣ XIII вѣка или къ первой половинѣ XIV столѣтія; окончательно они сформировались и вошли во всеобщее употребленіе въ русскихъ церквахъ только въ XVI и XVII вѣкахъ.

2) Въ архитектурномъ отношеніи высокій иконостасъ развился изъ древней предъалтарной низенькой преграды, замѣнивъ собою послѣднюю. Посредствующее звено между древней алтарной преградой и позднѣйшимъ высокимъ иконостасомъ составляютъ заиконостасныя каменные стѣнки. Архитектурное развитіе высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ первоначально совершалось весьма медленно. Въ концѣ XVI вѣка изрѣдка въ церковныхъ описяхъ встрѣчаются извѣстія о рѣзныхъ иконостасныхъ кіотахъ. Въ концѣ XVII вѣка получаютъ большое распространеніе иконостасы, украшенные богатыми рѣзными виноградными колоннами, рамами, кронштейнами, волнистыми карнизами и т. п. Начиная съ XVIII столѣтія, архитектурное развитіе высокихъ иконостасовъ пошло быстро впередъ, притомъ въ ущербъ ихъ иконографическому содержанію.

3) Главную и общую идею иконостаса составляетъ исторія царства Божія или домостроительства нашего спасенія отъ начала міра и до конца его. Отдѣльныя эпохи этой исторіи наглядно изображались въ отдѣльныхъ иконостасныхъ группахъ или рядахъ. Такъ, въ распятіи съ предстоящими и страстнымъ ярусѣ изображалась самая важная и существенная эпоха въ исторіи Божественнаго пощеченія о спасеніи человѣческаго рода; праотеческій ярусъ въ лицѣ главнѣйшихъ своихъ представителей изображаетъ предъ нами церковь патріархальную, пророческій—подзаконную, апостольскій или деисусный, праздничный, а также ярусъ апостольскихъ страданий—церковь новозавѣтную или благодатную; на царскихъ дверяхъ, сѣни и столбцахъ наглядно выражалась тайна нашего искушенія, воспоминаемая, по заповѣди Спасителя, на каждой литургіи; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ приводилась мысль о раѣ, какъ жилищѣ первыхъ людей, который и теперь обѣщанъ праведникамъ;

наконецъ, на иконостасныхъ тумбахъ изображалась или загробная участь каждаго человѣка (изображенія изъ поминальныхъ синодиковъ), или исторія Божественнаго Откровенія въ языческомъ мірѣ въ лицѣ его представителей—сивиллъ и философовъ.

4) Одни изъ ярусовъ иконостаса отличаются однообразіемъ и устойчивостію своего иконографическаго содержанія, другіе—нѣтъ. Къ числу первыхъ относятся: царскія двери съ сѣнью и столпцами, сѣверныя и южныя двери, деисусный, праздничный пророческій, праотеческій и страстной ярусы и изображенія на иконостасныхъ тумбахъ; ко вторымъ относятся мѣстный и шестилистовый или пядничный ярусы. При сравненія иконостасныхъ рядовъ съ древними стѣнными росписями православныхъ храмовъ оказывается между тѣми и другими такое большое сходство, которое даетъ возможность говорить о вліяніи стѣнописей на подборъ иконографическихъ группъ иконостаса. Впрочемъ этотъ вопросъ требуетъ нѣкотораго разъясненія. Именно: одни иконографическія группы появились въ стѣнописяхъ гораздо раньше, чѣмъ въ иконостасахъ, другія—одновременно въ тѣхъ и другихъ. Такъ, изображенія на царскихъ вратахъ, столпцахъ и подзорахъ, на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ, въ апостольскомъ, праздничномъ и страдномъ ярусахъ появились на стѣнахъ древнихъ храмовъ тогда, когда еще не существовали многоярусные иконостасы. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что пророки съ Богоматерію, праотцы съ Отечествомъ, страданія апостоловъ и, наконецъ, изображенія изъ поминальныхъ синодиковъ на иконостасныхъ тумбахъ появились одновременно какъ въ стѣнописяхъ, такъ и въ иконостасахъ. Отсюда мы полагаемъ, что одни изображенія и даже цѣлыя группы иконостаса скопированы со стѣнописей, а зависимость отъ стѣнописей другихъ изображеній иконостаса установить трудно.

5) Затѣмъ, при сравненія иконографическаго содержанія иконостасовъ со стѣнописями, обнаруживается между ними не только сходство, но и различіе. Это различіе заключается въ томъ, что иконографическое содержаніе стѣнописей, особенно позднѣйшихъ (XVI и XVII вв.), отличается несравненно большимъ богатствомъ и разнообразіемъ, чѣмъ содержаніе старинныхъ иконостасовъ.

6) Наконецъ, вопросы—о происхожденіи и значеніи законостасныхъ каменныхъ стѣнокъ, объ исходномъ пунктѣ развитія высшихъ многоярусныхъ иконостасовъ, о происхожденіи и назначеніи миниатюрныхъ иконостасовъ, и объ отношеніи пророческаго яруса къ праздничному (пророчества съ исполненіемъ) остаются не вполне разрѣшенными по недостатку необходимыхъ данныхъ для ихъ окончательнаго раскрытія.

Таковы общія положенія, добытыя нами на основаніи изученія старинныхъ русскихъ иконостасовъ. Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ ихъ практическомъ примѣненіи.

Архитектурное развитіе русскихъ иконостасовъ, оказавшее быстрые успѣхи въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, совершенно пріостановило ходъ развитія ихъ иконографическаго содержанія. Стоитъ только посѣтить нѣсколько петербургскихъ храмовъ, построенныхъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ современныхъ храмахъ мы можемъ встрѣтить иконостасы, устроенные въ самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стиляхъ, украшенные богатыми рамами, прекрасною и затѣйливою рѣзбою, колоннами и пилястрами всѣхъ орденовъ и т. п. Въ этомъ архитектурномъ разнообразіи современныхъ иконостасовъ заключаются какъ достоинства, такъ и недостатки ихъ. Достоинство нынѣшнихъ иконостасовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ ихъ изяществѣ. Этимъ изяществомъ отличаются не только архитектурныя формы иконостасовъ, но и священныя изображенія, помѣщаемыя въ нихъ. Наши современные художники, въ рядахъ которыхъ насчитывается не мало иностранцевъ, воспитанные на образцахъ западно-европейскаго искусства, привыкли смотрѣть какъ вообще на христіанскій храмъ, такъ и въ частности на иконостасъ только съ художественной или эстетической точки зрѣнія. По ихъ воззрѣніямъ храмъ со всѣмъ своимъ внѣшнимъ и особенно внутреннимъ убранствомъ долженъ прежде всего и главнымъ образомъ удовлетворять потребностямъ эстетическимъ. На иконостасъ они смотрятъ, какъ на одно изъ лучшихъ украшеній внутренности церкви. И вотъ, вся энергія художника при устройствѣ иконостаса бываетъ обращена

на рамы, рѣзбу, карнизы, колонны, пилястры и т. п. И дѣйствительно, многіе иконостасы современныхъ нашихъ болѣе или менѣе богатыхъ храмовъ съ художественной стороны достойны одной только похвалы. Главный недостатокъ нынѣшнихъ иконостасовъ составляетъ бѣдность ихъ иконографическаго содержанія, доводимая иногда до крайности. Примѣрами такой бѣдности могутъ служить иконостасы въ огромномъ и богатомъ соборномъ храмѣ, что въ Александро-Невской лаврѣ, и въ домовой церкви главнаго штаба въ С.-Петербургѣ. Первый изъ этихъ иконостасовъ имѣетъ всего только 13 иконъ, не исключая отсюда изображеній на царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ, а второй—всего только пять иконъ. Другой, тоже весьма важный недостатокъ составляетъ отсутствіе опредѣленной идеи. Священные изображенія въ современныхъ иконостасахъ по большей части размѣщаются безъ всякой опредѣленной идеи и порядка ¹⁾. Только Благовѣщеніе съ четырьмя евангелистами на царскихъ вратахъ, Тайная вечеря надъ ними да мѣстныхя

¹⁾ Впрочемъ иногда и въ нынѣшнихъ иконостасахъ проводятся какія либо иныя общія идеи. Таковъ, напримѣръ, главный иконостасъ Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ. Въ мѣстномъ ярусѣ этого иконостаса помѣщаются царскія двери, на которыхъ изображено Благовѣщеніе съ четырьмя евангелистами, и восемь большихъ мѣстныхъ иконъ. Эти иконы размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: по правую сторону царскихъ вратъ—Спаситель, св. Исаакій Далматскій, Николай Чудотворецъ и ап. Петръ; по лѣвую сторону—Богоматерь, Александръ Невскій, Великомученица Екатерина и ап. Павелъ. Сѣверныя и южныя двери помѣщены въ боковыхъ стѣнахъ алтаря, при чемъ на каждой изъ нихъ написано по шести изображеній различныхъ святыхъ. Средину второго яруса занимаетъ бронзовая вызолоченная группа, изображающая Спасителя на престолѣ, за которымъ стоятъ два ангела, съ предстоящими Ему Богоматерію, Предтечу и многими другими святыми разныхъ ликовъ (деисусъ). Затѣмъ, по правую сторону этого деисуса помѣщены иконы—архистратига Михаила, святыхъ Анны, Елисаветы, царя Константина и царицы Елены; по лѣвую сторону—св. Николая Кочапова, Маріи Магдалины, царицы Александры, князя Владиміра и княгини Ольги. Средину третьяго яруса занимаетъ Тайная вечеря, отъ которой направо помѣщены—пророки Исаія, Іеремія, Давидъ и праотцы Ной и Адамъ; на лѣво—пророки Даніиль, Ілія, Соломонъ и праотцы Мельхиседекъ и Авраамъ. Надъ Тайною вечерею поставлена икона моленія о чашѣ, поверхъ которой возвышается бронзовый крестъ, поддерживаемый четырьмя бронзовыми же ангелами. Не трудно замѣтить, что строители собора старались подбирать для иконостаса иконы такихъ святыхъ, имена которыхъ носили наши Государи и Го-

иконы Спасителя и Богоматери удержали по традиціи свои прежнія мѣста. Попытайтесь найти такую идею въ иконостасахъ современныхъ большихъ и богатыхъ петербургскихъ храмовъ: Петропавловскаго, Казанскаго и Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній соборовъ, — Знаменской, Спасской на Сѣпной площади, Покровской, Вознесенской, Владимірской и др. церквей. При осмотрѣ иконостасовъ въ упомянутыхъ храмахъ у насъ естественно возникали различные недоумѣнные вопросы. Почему, напримѣръ, въ иконостасахъ Александро-Невскаго соборнаго храма и Казанскаго собора нѣтъ надъ царскими вратами изображенія Тайной вечери? Почему на иконостасѣ Троицкаго собора въ Александро-Невской лаврѣ распятіе замѣнено „образомъ Господа Саваоѳа, хотя на московскомъ соборѣ въ 1666 и 67 гг. было предписано поступать въ данномъ случаѣ совершенно наоборотъ? Почему въ томъ же иконостасѣ, притомъ крайне бѣдномъ своимъ иконографическимъ содержаніемъ, иконы Спасителя и Богоматери повторяются надъ сѣверными и южными дверями, несмотря на то, что такія же иконы помѣщены по правую и лѣвую сторону царскихъ вратъ?

Причина этихъ недостатковъ лежатъ въ неправильномъ взглядѣ на иконостасъ, какъ на художественное украшеніе храма. Наши художники и строители забыли, что христіанскій храмъ не есть навтеонъ искусствъ, а домъ молитвы и училище вѣры и благочестія. Съ такимъ высокимъ назначеніемъ христіанскаго храма должно сообразоваться какъ внѣшнее архитектурное устройство, такъ и внутреннее убранство его. Если въ христіанскомъ храмѣ допускается музыкальное и гармоничное пѣніе, если иконостасъ и

сударышц, начиная съ Петра I, а также и нѣкоторые члены царской фамиліи. Только третій ярусъ иконостаса не подчиненъ указанному порядку и представляетъ изъ себя совершенно случайный наборъ нѣсколькихъ священныхъ изображеній. Подборъ и распорядокъ иконъ въ первыхъ двухъ ярусахъ объясняется, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что Исаакіевскій соборъ, посвященный угоднику, въ день памяти котораго родился великій Преобразователь Россіи Петръ I, долженъ служить для грядущихъ вѣковъ и поколѣній символомъ могущества Россіи. Поэтому и въ иконостасѣ поставлены иконы такихъ святыхъ, имена которыхъ носили Царственные Особы, оказавшія Россіи свою дѣятельностію большія услуги.

стѣны его во множествѣ украшаются священными изображеніями изящнѣйшей живописи, если, наконецъ, въ немъ допускаются въ изобиліи золото, серебро, драгоценные камни и пр., то все это дѣлается вовсе не для того, чтобы только тѣшить нашъ взоръ, наше ухо и доставить намъ эстетическое наслажденіе. Напротивъ, все это допускается въ храмъ для того, чтобы напомнить намъ о славѣ и величіи Божиемъ и о своемъ собственномъ ничтожествѣ, чтобы возбудить насъ къ молитвѣ и покаянію и, наконецъ, чтобы направить нашу волю къ добродѣтельной жизни. Особенно полезны въ этомъ отношеніи священныя изображенія, которыя суть ничто иное, какъ книги, только писанныя не буквами, а красками ¹⁾. Такія книги (мы выражаемся образно) при должномъ руководствѣ, которое не требуетъ большихъ усилій, могутъ быть доступны и неграмотнымъ. Вотъ почему византійцы въ изобиліи украшали стѣны христіанскихъ храмовъ священными картинами изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, а также и изъ жизни святыхъ. Вотъ почему и наши предки въ иконостасахъ обращали главное вниманіе на священныя изображенія и о нихъ больше всего заботились. Не мѣшало бы современнымъ русскимъ художникамъ научиться отъ нашихъ предковъ смотрѣть на иконостасы не только съ эстетической точки зрѣнія, но и, главнымъ образомъ, со стороны ихъ назидательности. Тогда можетъ быть они перестали бы гнаться за разнообразіемъ и изяществомъ архитектурныхъ формъ въ ущербъ назидательному иконографическому содержанію иконостасовъ. Указывая художникамъ на старинные памятники церковнаго искусства, мы отнюдь не хотимъ того, чтобы они заимствовали оттуда и недостатки. Мы не хотимъ, напримѣръ, того, чтобы святые изображались на современныхъ иконахъ такими же сухими и безжизненными, какъ и на древнихъ русскихъ иконахъ. Пусть священныя изображенія въ нынѣшнихъ иконостасахъ стоятъ на той высотѣ, до которой достигло современное живописное искусство. Пусть наши художники сочиняютъ изящные и разнообразныя въ архитектурномъ отношеніи рисунки церковныхъ иконостасовъ. Но

¹⁾ Простр. Катихизисъ Филарета м. московскаго: О второй заповѣди десятиглаголія.

пусть они никогда не забываютъ главной цѣли, съ которою встарину наши иконостасы украшались возможно большимъ количествомъ священныхъ изображеній, размѣщенныхъ въ строгомъ и разумномъ порядкѣ. Въ этомъ отношеніи прекрасный примѣръ подають современнымъ художникамъ наши предки, которые въ XVII вѣкѣ научились строить изящнѣйшіе въ архитектурномъ отношеніи иконостасы, украшенные мелкою и затѣливою рѣзбою, роскошными колоннами, и въ тоже время снабженные въ изобиліи святыми иконами. Къ счастью, въ настоящее время въ обществѣ начинается возбуждаться живой интересъ къ изученію памятниковъ родной старины. Къ счастью, и наши художники въ области церковнаго искусства начинаютъ возвращаться къ ней же. Мы съ удовольствіемъ осмотрѣли въ С.-Петербургѣ одинъ вновь воздвигнутый прекрасный храмъ, принадлежащій аеонскому Пантелеймоновскому монастырю и выстроенный въ русскомъ стилѣ XVII вѣка. Внутренность этого храма украшена невысокимъ, изящной работы иконостасомъ въ четыре яруса. Иконы въ немъ размѣщены правильно, почти также, какъ и въ старинныхъ русскихъ иконостасахъ. Тоже самое нужно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ петербургскихъ иконостасахъ, напримѣръ, въ домової церкви Бѣжецкаго подворья, въ Борисоглѣбскої церкви на Калашниковскої пристани и пр. Всѣ эти иконостасы служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что наша церковно-художественная дѣятельность начинаетъ освобождаться отъ вліянія запада и мало по малу становится на путь самостоятельнаго развитія.

Н. Сперовскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки